

Екатерина Семеновна Наговицына родилась в городе Свердловске. Юрист по образованию. Участник боевых действий. Майор спецподразделения МВД России. Награждена орденом Мужества. Автор книг «Энгенойская ведьма», «Снайпер в Чечне. Война глазами офицера СОБРа» и многих публикаций во всероссийских и региональных журналах. Победитель всероссийских литературных конкурсов «Доброе слово», «Русский Гофман» и международного конкурса «Славянские традиции». Ведет большую военнопатриотическую работу с молодежью. Живет в Екатеринбурге.

Екатерина Наговицына

НЕЛЮДЬ

Рассказ

Костер встрепенулся от подброшенной внушительной охапки сухостоя и, жадно захрустев ветками, загудел, весело салютуя искрами заходящему солнцу. Наступало его законное, костровое время и, чувствуя это, он теплом приманивал к себе людей, пока еще занятых своими суетными делами, наперед обещая, что стоит им сесть рядом, взглянуть в его трепещущие сполохи, и он тут же переключит их настроение на особый лирический лад, уводя от дневных забот к неспешным разговорам в сумерках.

И люди торопились, предвкушая отдых.

Коренастый, с седой, косматой шевелюрой мужик, похожий то ли на деревенского деда, то ли на медведя, глянув, как за горизонт скользнул последний луч солнца, сноровисто перехватил топор и ловко разрубил последнюю чурку. Осмотрел наколотые дрова и остался доволен.

«Хорош. Хватит», — пробормотал он, отерев пот.

А молодой парень с улыбочиво-веснушчатый рязанским лицом, взглянув на темнеющее небо, где местами стали уже стали поблескивать звезды, проверил на прочность только что сколоченные стол и скамейки. Затем снял с поперечины, прихватив перчаткой, закоптелые котлы. В один, с кипятком, сыпанул добрую горсть чая. Из другого, с картошкой в мундире, слил воду.

По крутоватой тропке от небольшой речушки поднялась женщина. В одной руке она несла ведро, в другой — полотенце. Наконец-то после долгого дня ей удалось ополоснуться, и на миловидном, уставшем лице играл румянец от холодной воды. Она не торопясь оглядела поставленный палаточный лагерь, погружающийся в сумерки лес, дорогу и направилась к костру.

— Матвейч, судя по дровам, ты здесь на зимовку наметил оставаться, — улыбнулась женщина.

— Елена Васильевна, ты и без меня знаешь — запас карман не тянет. Да и осенние ночи зябкие. Денис, ну что, ужинаем?

— Так готово все! Но чай надо будет немного подождать, — Денис гостеприимно пригласил всех к самодельному столу, где горкой лежал нарезанный хлеб и дымилась остывающая картошка.

— Добре. Нам торопиться некуда. Вся ночь впереди, — скамья под Матвейчем жалобно скрипнула, но выдержала.

Расселись. Каждый взял по картофелине и, перекатывая в ладонях горячие клубни, начал чистить. Матвейч густо присыпал белую мякоть солью и, откусив, довольно крякнул:

— Хороша!

— Да уж! — всем своим видом поддержал утверждение Денис.

Дальше ужинали в тишине. Каждый думал о чем-то своем. Елена, судя по залегшим глубоким морщинам, которые к ее сорока пяти годам добавили еще пяток, — видимо, о заботах.

Денис подолгу вглядывался в языки пламени, беззвучно шевелил губами, наверно, складывая новые стихотворные строчки, и отвлеченно жевал картошку, не желая прерывать творческий процесс.

Матвейч же, удобно расположившись, ел не спеша, то и дело хозяйственно поглядывая по сторонам, очевидно, размышляя, все ли за этот день сделано как надо.

Сумерки сгустились, оставив светлый круг только у костра. Денис разлил чай и только хотел передать кружки, как из темноты леса послышался равномерный, размеренный стук. Словно кто-то палкой о ствол дерева ударяет, но без азарта, а так, с расстановкой: тюк... тишина... тюк... снова тихо... и опять... тюк. И вроде рядом совсем, а в тоже время из зачерненной чащи.

Денис чуть кипятком не облился, вздрогнув от неожиданности.

— Что это? Ветер?

Однако вокруг было так тихо, что ни одна ветка не шелохнется. Костер стал угасать. И хотя тепло дневное еще задержалось, всех пробил колкий озноб. Матвейч поежился:

— Плохо дело...

Денис аж на шепот перешел:

— Матвейч, это что? Зверь, да?

Но тот вдруг резко одернул:

— Тихо. В костер смотри! Не оборачивайся! — и сам взгляд в землю потупил.

Денис чуть не взвыл от его слов и непонятной навалившейся жути. Заерзал, но перечить поостерегся, да и Елена Васильевна на него шикнула, а сама так же, как велел Матвейч, в костер уставилась. Денису показалось, что у него волосы на голове дыбом встали, когда почувствовал, что словно стоит кто за спиной. Стоит, смотрит, но не дышит! И это «не-дыхание» было настолько ужасным, что по телу волной холод

проткал да в ноги опустил, и они словно заледенели, отяжелели и обездвижив.

А Матвейч, по-прежнему не отрывая взгляд от костра, что-то бормоча, взял ломоть хлеба, разломил пополам, одну часть кинул через левое плечо, а другую — в костер. Затем по доброй щепотке соли сыпанул — одну за спину, другую в костер. После чего вытянул из кармана платок и, быстрым движением разорвав его посередине, повторил то, что сделал с хлебом и солью. Костер жадно подхватил подношение, встрепенувшись пламенем. А вокруг все будто отмерло, зашевелилось. Ветерок легкий проскользнул. Деревья зашумели, зашелестели листвою. Птица запоздало где-то вскрикнула. И навалившаяся оторопь вмиг прошла, словно и не было ничего. Как не стало и пугающего стука. Денис, почувствовав всеобщее облегчение, вопросительно глянул на женщину, которая быстро, украдкой перекрестилась, затем — на мужчину:

— Матвейч, это что? У меня чуть мотор не встал!

Тот подумал минуту, словно взвешивая, рассказывать или нет, и, решившись, начал:

— Бабка моя, Клавдия, давно покойница, рассказывала, что иногда в лесу, между вечером и ночью, к костру может выйти... некое существо, имя которому — Палсмурт. Хотя и относится он к низшим духам, но выглядит как человек. А вернее, как полчеловека. С одной ногой, с одной рукой и одним глазом. Предвестник его появления — вот такой размеренный стук. А потом раз — и уже за спиной стоит. Ждет. И, как бабка говорила, кто в этот момент обернется, со взглядом его рыбьим встретится, тот против воли вопрос ему задаст: «К добру или к худу?» И Палсмурт, словно в насмешку, смрадно прошепестит: «К худу!» Потому как злой он и добра по определению никому не делает. Ну, а несчастливцу, кому худого пожелает, у того либо из домашних кто в ближайшее время помрет, либо сам преставится. Поэтому предки мои вокруг костра каленым ножом большой круг очерчивали и подношение духам у опушки леса оставляли. Вот такая нежить...

— А ты что пришептывал? Заговор какой-то специальный знаешь против... этого... как ты его назвал?

— Палсмурт... Нет, заговора не знаю. Бабка что-то говорила мне, малышку, да только давно это было. Запамятовал. А тут такая оторопь на меня напала, что кроме как «Господи помилуй!» вообще ничего выговорить не смог, хотя верующим себя особо никогда не считал.

— Да уж, на тебя оторопь напала, а я вот чуть сознание от страха не потеряла! — попыталась улыбнуться женщина. — Прям ведь натуральное такое ощущение возникло, что стоит нечто у меня за спиной и затылок взглядом жгет. Если бы ты шаманить не стал, я бы не выдержала и, честное слово, обернулась! А сейчас-то можно оглядеться?

Мужчина кивнул. Все трое осторожно посмотрели по сторонам, не увидели ничего ужасного или подозрительного и облегченно вздохнули. Денис передал соседям чай. Елена, обхватив закоченными пальцами горячую кружку, вдруг вспомнила:

— А моя бабуля, царствие ей небесное, когда мы у нее в деревне летом гостили, остерегала нас, детей, чтобы по одному в лес за кладбищем не ходили. А он там действительно какой-то странный был, темный. Сосновый. Но деревья все кривые, низкорослые, разлапистые. Правда, грибов белых там, на удивление, много росло. Так вот бабуля нам, внукам, говаривала: «В лес за погостом не шастайте, а если уж понесет вас лешак

туда за грибами, то друг к другу чтоб близко шли, и старшие за младшими — впригляд!» Мы ей: «А почему, баба?» А она нам тогда про белую женщину без ног напоминала. Вроде как парит она в воздухе, платье болтается, а под ним ничего, пустота, но зато руки длинные, пальцы крючковатые, ногти желтые. Зовут ее вроде... Заян. И вся жуть в том, что пойдет так человек по какой надобности в лес один. Идет себе, грибы-ягоды собирает или веники режет, вяжет. Вокруг ни души. Обернется, а перед ним уже Заян. Висит безмолвно, лицо-то сплошь белыми длинными волосами завешено, и если ей человек этот приглянется, то цап его ногтями за лицо — и утащит. И нет никакой возможности у человека ее силе противиться. Потом, правда, таких потеряшек находили повешенными в гуще леса. Ноги над землей болтаются, а рядом ни пенька, ни уступочка... Вот такая история. Одно слово — нечисть.

Денис поежился. Встал, подкинул в костер дров и долил себе в кружку чая.

— У меня бабушек не было. Умерли еще до моего рождения. Но однажды отправили меня родители в лагерь, на летний отдых. Компания у нас, подростков, подобралась что надо. Сдружились с Васькой, Егором и Серегой накрепко. За нами, двенадцатилетками, поставили воспитаткой деваху молодую. У нее там своя любовь-морковь случилась с физруком, поэтому она особо за нами не шпионила. Лагерь наш, «Мечта», в лесочке находился, недалеко речка была. Ну, мы потихоньку то на рыбалку смоемся, то по леску шаримся, в войнушку играем. А однажды Васька, весь такой деловой, прибегает и говорит, что воспитательница ночью, после отбоя, на свиданку с хахалем своим сговорилась. Ну и предложил нам вроде как спать лечь, а потом потихому, чтобы девчонки не сдали, на речку смыться, костер развести, хлеба пожарить, рыбу половить. Так сказать, посидеть по-мужски. Мы от такого предложения в восторг пришли. Днем сходили, место присмотрели, дров, валежника натаскали. За ужином полные карманы хлеба насовали. В общем, подготовились. Ну, и все у нас как по маслу прошло. Воспиталка только за двери, мы со своей комнаты в окно. Пробрались до места, как спецназовцы, кустами да оврагами. Костер развели. Сидим, треплемся. О девках, конечно, разговоры все: кто дура, кто красotka, но тоже дура. Кто кого на дискотеке пригласить хочет, чтоб, значит, между нами какой неудобняк не вышел. Друзья же все-таки. Мужики... Прилично посидели. Хлеб уже почти весь съели. А ночь теплющая, июльская. Кто-то предложил искупаться. Подорвались, шорты, футболки скинули и вроде как рванули уже заныривать, смотрим — а Васька даже не шелохнулся, за колени себя обхватил и сидит. Мы ему — погнали! А он вначале вроде ссылался на фигню какую-то, а потом говорит, мол, пацаны, не ходите купаться. Нехорошо это. После двенадцати.

А ведь трусом он уж точно не был. Ну, после расспросов рассказал нам чудное. Что, мол, в речках иногда прячется Анчутка. Бес такой, беспальный и беспятый, но быстрый. Так вот, если после полуночи в речную воду нырнуть и под водой глаза открыть, то Анчутку и увидишь. А как его многоглазую ухмыляющуюся морду узришь, то тут же потеряешь, где низ, где верх. Куда всплывать? Ну и, ясно дело, потонешь. Тут тебя Анчутка и приберет. Под корягу зацепит и, когда тело раздует, вместе с рыбами до костей обглодает. Очень любит глаза да язык выедать у утопленников.

Мне тогда вроде и жутковато сделалось, но захотелось себя совсем по-

взрослому поставить. Фыркнул, что, мол, детские страшилки, и в речку полез. А там, скорей всего, рыба крупная на приманку приплыла и меня своим холодным хвостом по ногам погладила. Так я, чего таить, как ошпаренный с криком выскочил. Ну и после этого костер мы потушили — и побыстрому обратно в лагерь. И такой чудесной, уютной кровать в ту ночь показалась, что описать сложно. А купаться я в то лето даже днем больше не лазил. Потом, конечно, забылось, отпустило. А вот сейчас вспомнилось...

Вдалеке коротко просигналила машина, и тут же затрещала рация, предупредая, что едут свои. Но Денис все равно притянул к себе автомобиль и поднялся навстречу выехавшим по ухабистой лесной дороге двум автомобилям — «Ниве» и «батону». Матвейч и Елена тоже встали, поприветствовав водителей и вышедшего из «Нивы» мужчину в полевой форме. Даже в темноте наступающей ночи в прибывшем чувствовался странный замес из внутренней напряженности и многодневной усталости. Он подошел, пожал всем руки, быстро, деловито окинул взглядом палатки и сел к костру, протянув к огню ладони.

— Хорошо здесь... Елена Васильевна, солнце наше, все у вас готово? Завтра-послезавтра ждите, раненых к вам повезут. «Батон» с Петровичем в подмогу оставлю. На днях эвакопоезд подойдет. Дальше — сами знаете, что делать, не мне вас учить. Матвейч, операционная готова?

— Так точно, товарищ полковник! — отчеканил тот.

— Ну, а ты, боец, как себя чувствуешь? Зажила нога? — обратился он к Денису.

— Затягивается. Осколок вынули, зашили. Думаю, через неделю буду как новенький.

— Вот и славно. Приглядывай здесь. Чтоб ни одна чертова холера наших докторов не огорчила!

Елена протянула полковнику кружку с чаем, но тот отрицательно качнул головой, вытянул из кармана свою фляжку, открутил крышку и, сделав несколько внушительных глотков, предложил присутствующим, но все отказались.

— Тимофей Павлович, что случилось? — спросила женщина. Она впервые видела этого всегда собранного, сильного, спокойного офицера в таких растрепанных чувствах.

И он, посмотрев ей прямо в глаза, помолчал, подыскивая слова, и кивнул в сторону машин.

— Там ребятшек мы вам привезли. Девочку пяти лет и мальчонку, четыре годика. Проверяли сейчас машины со знаком «беженцы». В «реношке» — мужчина за рулем, с ним жена, ну и детишки эти на заднем сиденье сидят, глаза по полтиннику. Мужчина вышел, документы на проверку подал, вежливый такой. Жена в машине осталась, внимательно за всем наблюдает. А у сержанта нашего, который машину осматривал, дома такие же по возрасту ребятшки. Ну он возьми, спроси их: «Куда с родителями едете?» И девочка ему в ответ прошептала: «А это не наши родители...» — Полковник еще отхлебнул из фляжки. — Представляете, они, бандеровские шкуры, и впрямь мужем с женой оказались. На глазах у малышей родителей убили и в канаву сбросили. А детишкам сказали, что если вякнут, то там же окажутся. В общем, решили под прикрытием детей из окружения выскочить.

Помолчал и добавил, словно выдохнул:

— Нелюди!

ПОЯСНЕНИЯ

П а л э с м у р т (букв. «половинный человек») — персонаж удмуртского фольклора. Это антропоморфное существо-половинка, рассеченное вдоль по позвоночнику, у него одна нога и рука, один глаз, половина головы, его внутренности вываливаются наружу. В отличие от лешего — хозяина леса — Палэсмурт всегда представлен как враждебное людям существо: он может напугать человека, зачекотать его до смерти, встреча с ним рассматривается как предвестник несчастий. Он обладает всеми основными характерными чертами, свойственными демоническим существам: встреча с ним происходит на неосвоенной человеком территории в пограничное время суток.

З а й а н — персонаж фольклора северных народов, живет в лесу или около гор. Не имеет ног, лицо закрыто волосами, когда она показывает свое лицо, человек безвольно совершает самоубийство.

А н ч у т к а — в восточнославянской мифологии злой дух. В отличие от духов природы или дома, которые обычно могут не только вредить, но и помогать, Анчутки исключительно злы, коварны, вредят живым существам. По своему образу Анчутка максимально схожа с бесами и чертями христиан.

